

**НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ОБЛАСТИ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ПРИЧИТАНИЙ:
Рахимова Э. Г. «Туонельские свечушки»: сло-
весная изобразительность карело-финских
причитаний по покойным. М.: ИМЛИ РАН,
2010. 237 с.**

Зародившийся в конце XIX века в среде финляндских любителей народной поэзии интерес к собиранию и изучению прибалтийско-финских причитаний постепенно возрастал на протяжении всего XX века. Несмотря на трудности фиксирования, вызванные, в первую очередь, своеобразным, отличным от обыденного, языком причитаний, в архивах Финляндии накопился широкий эмпирический материал. Начиная с середины прошлого столетия к собиранию этого самобытного жанра активно подключились и карельские ученые. Большая заслуга в этой работе принадлежит фольклористам, языковедам и этнографам Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН. Значителен вклад У. С. Конкка, А. С. Степановой, Н. А. Лавонен, Э. С. Киуру, Г. Н. Макарова, М. И. Муллонен, а также многих других ученых, систематически на протяжении многих лет выезжавших в отдаленные карельские, вепсские, ижорские деревни на поиски похоронных, свадебных, рекрутских и бытовых причитаний. Таким образом, сегодня в нашем распоряжении имеются тексты плачей, зафиксированных еще в период их живого бытования (финляндские, небольшая часть карельских материалов) и образцы причитаний, записанные в период стремительного исчезновения жанра (карельские материалы). Совокупность и доступность этих источников позволяет как российским, так и финляндским ученым проводить фундаментальные исследовательские работы по разным направлениям.

Силами карельских ученых были изучены причитания, бытовавшие в основном на территории Карелии. Следует отметить работы У. С. Конкка, рассмотревшей карельские плачи в обрядовом контексте, а также, несомненно, работы А. С. Степановой, долгие годы занимавшейся поэтикой причитаний, в частности, описанием системы иносказаний свадебных персонажей. В последние годы объектом исследования стала также вепсская причетная традиция. Впервые в 2012 году введены в научный оборот тексты вепсских плачей. Сборник «*Käteške kábedaks kágoihudeks* “Обернись-ка милой

кукушечкой”», подготовленный Н. Г. Зайцевой, О. Ю. Жуковой и С. В. Косыревой, включает 83 текста похоронных, свадебных, рекрутских и бытовых причитаний. Материал представлен на языке оригинала с параллельным филологическим переводом на русский язык.

Среди финляндских ученых к жанру причитаний обращался целый ряд исследователей. Среди них Л. Хонко, охарактеризовавший прибалтийско-финскую причетную традицию в целом и сформулировавший основные аспекты ее дальнейшего рассмотрения. Огромный вклад в изучение ижорских плачей внесла А. Ненола, скрупулезно проанализировавшая указанную причетную традицию.

В последние годы интерес к исследованию карельских причитаний несколько ослаб, вероятно, по причине небольшого числа молодых ученых, хорошо владеющих карельским или другим из группы прибалтийско-финских языков. Впрочем, знание языка не является основным фактором отсутствия специалистов в этой области. Помимо преодоления языкового барьера начинающему фольклористу необходимо хорошее знание различных фольклорных жанров, а также обрядов и верований, что позволило бы сделать глубокий семантический анализ текстов. На фоне сложившейся ситуации следует особо отметить недавно вышедшую монографию московской исследовательницы Э. Г. Рахимовой, обратившейся к рассмотрению устойчивых изобразительных констант карельских и ижорских причитаний по покойным. Синкретизм архаичных карельских жанров устного народного творчества на уровне мотивов и образов, а также просматривающееся единство в области поэтики позволило автору рецензируемой работы, многие годы плодотворно изучавшей поэтические особенности севернокарельских рун (вышел целый ряд статей по данному вопросу), заниматься иносказательным языком причитаний.

Проведенное исследование, в котором автор препарировывает взятые в совокупности карельские и ижорские причитания по покойным на наиболее часто употребляемые изобразительные константы, является первой научной работой в данном направлении. Автор наряду с лингвофольклористическим подходом успешно использует сравнительный метод, привлекая к рассмотрению поэзию калевальской метрики, а также севернорусскую причетную традицию.

Монография Э. Г. Рахимовой состоит из 11 глав. В первых двух главах, «Особенности бытования и история фиксации карело-финских причитаний по покойным» и «Обзор корпуса плачевых текстов», автор очерчивает исследуемый ареал, характеризует материалы исследования, а также дает историографический обзор литературы. Обращает на себя внимание масштаб охвата материала и количество привлеченных источников. Однако на фоне анализа собирательской работы, предпринятой финляндскими учеными, экспедиционная деятельность карельских исследователей представлена, на мой взгляд, достаточно бегло. Реестры полевых материалов, с которыми можно было познакомиться в Научном архиве Карельского НЦ РАН и Фонограммархиве Института ЯЛИ, свидетельствуют об огромном вкладе карельских собирателей. Кроме того, фиксация обрядового фольклора как в контексте обряда, так и вне его – занятие весьма сложное, требующее особого мастерства, умения находить контакт с исполнителем. Несмотря на это, результаты полевых исследований по сбору карельских и вепсских причитаний значительны, что, несомненно, автору рецензируемой работы следовало бы отметить.

В третьей главе «Изучение поэтики и семантики карельско-ижорской плачевой традиции» обозначены основные научные работы финляндских и российских исследователей, занимавшихся особенностями языка причитаний. В завершении главы автор поднимает важную дискуссионную проблему, касающуюся научной терминологии. По мнению Э. Г. Рахимовой, для постижения мифопоэтической изобразительности плачей правомерно использовать «концепцию этнопоэтической константы», выведенную В. М. Гацаком. Ключевым признаком подобной константы является «устойчивость зрительного образа». Автор считает, что сохраняющийся в памяти «мысленный визуальный кадр» подобен «девербальному гештальту» (термин Мишеля Нэйглера). Применительно к карельскому материалу образование подобных констант усложняется аллитерацией.

Вопросы терминологии в фольклористике, лингвофольклористике как в России, так и за рубежом вызывают обширную дискуссию, о чем свидетельствуют многочисленные вопросы на различных научных мероприятиях. Автор монографии, находясь в некоем поиске, при характеристике отдельных этнопоэтических констант использует подтермины. Подобная дифференциация позволяет более точно охарактеризовать функциональную роль констан-

ты («композиционная константа») или проследить основные этапы ее формирования («выкристаллизовавшиеся словесные формулы», «выкристаллизовавшиеся вербальные константы») и др.

Центральную часть монографии составляют пять глав «Обрядовые “беседушки” и безмолвие покойного в карельских и ижорских плачах: севернорусские плачевые и калевальские кроссжанровые параллели», «Изображение “жилища” покойного в карело-финских плачах в сопоставлении с русскими и с рунами калевальской метрики», «Дальняя Туонела: обитатели и ландшафтные и интерьерные предметные детали», «Орнитологическая символика в карельских и ижорских причитаниях и в рунах калевальской метрики», «Открытый ветрам и стуже оставленный покойным мир». В обозначенных главах на основе большой текстологической работы, выполненной по всем имеющимся опубликованным источникам, а также архивным материалам, выявлены и рассмотрены разнообразные поэтико-изобразительные константы карельских причитаний по покойным. Кроме того, проведены параллели с севернорусской и ижорской причетной традицией, а также с карельскими рунами. Вербальные константы представлены в монографии согласно проведению похоронного обряда: от момента застывания покойного до ухода его в мир иной. Несомненное достоинство аналитической работы состоит в том, что каждый выдвинутый тезис находит подтверждение в многочисленных примерах. Привлечение севернорусской и ижорской традиции позволяет глубже рассмотреть выделенные изобразительные константы.

Тексты причитаний, записанных в XX веке, представляют некий симбиоз традиционных мифологических и христианских мотивов. Это отчетливо прослеживается, к примеру, в главе «Дальняя Туонела: обитатели и ландшафтные и интерьерные предметные детали». Путь в далекий иной мир, ворота Туонелы, собаки Туонелы, зеленые лужайки – это константные атрибуты мифологического потустороннего мира. Встречающиеся в карельских рунах аналогичные примеры являются подтверждением этому. «Правая сторона», «восковые свечушки» относятся, несомненно, уже к наиболее поздним, христианским напластованиям. Дальнейшее исследование по всем вышеуказанным изобразительным константам с привлечением материалов из карельских рун и особенно заговоров даст автору возможность несколько расширить эту главу, представив ее в качестве самостоятельной статьи.

Целостной и наиболее объемной является глава «Орнитологическая символика в карельских и ижорских причитаниях и в рунах калевальской метрики», где Э. Г. Рахимова обобщила весь выявленный материал по образам птиц (жаворонка, уточки-морянки, соловья-птички, белой лебеди, пташки-птички и т. д.), зафиксированных в причетной и рунопевческой традиции. По сравнению с другими главами более подробно рассмотрены грамматические формы употребления изобразительных констант, обозначены мотивы их возможного варьирования. Указанная часть монографии представляет собой законченное обобщение по орнитоморфной символике, до настоящего времени не проводившееся в данном ракурсе.

Заслуживает внимания глава «Открытый ветрам и стуже оставленный покойным мир», в которой Э. Г. Рахимова выделяет изобразительные константы, иллюстрирующие покинутый покойным мир. Горе оставшихся в живых рисуется иносказательно при помощи темных туч, огромного озера слез, пролитых сиротинушками, стужи, тоски и суховеяного ветра. Однако отсутствие итогового вывода делает главу несколько незавершенной.

Во многом дискуссионной является глава «Характер исполнения причитаний и сохраненность вербальных констант». Сегодня довольно сложно судить, какими же были аутентичные тексты в отношении полноты мотивов и использования изобразительных средств, т. к. число причитаний, зафиксированных в контексте обряда, невелико. Вполне естественно, что спетые перед микрофоном по просьбе собирателя варианты отличались насыщенностью поэтико-изобразительных констант. Импровизируя в более спокойной обстановке, искусная причитальщица могла использовать все знакомые ей поэтические формулы.

Карелы, так же как и вепсы и ижорцы, на протяжении многих веков находились в тесном контакте с русским населением. Взаимовлияние культур отчетливо прослеживается в уст-

ном народном творчестве, на что неоднократно указывали многие исследователи. В данной монографии фронтальное изучение вербальных констант карельских и ижорских причитаний в сравнении с русской причетной традицией дало положительные результаты. Некоторые итоги, а также перспективы указанного аспекта изучения плачей представлены в главе «Карельско-ижорские и северно-русские текстуальные схождения в причитаниях по покойному».

Завершает монографию глава «Итоговые замечания», в которой ещё раз подчеркивается новизна рецензируемой работы, ее теоретическая и практическая значимость.

В качестве положительных сторон следует отметить четкую структурированность монографии, высокий уровень изложения теоретического материала. Несомненным достоинством является и то, что автор изучил большое количество причитаний, многие из которых не имели русскоязычного перевода. На мой взгляд, данное исследование требовало работы именно с оригинальным текстом, перевод не всегда точно отражает глубину содержания. Однако для русскоязычного читателя наличие перевода обязательно, причем наиболее приближенного к оригиналу. В этой связи следует обратить внимание на некоторые опечатки и неточности в карелоязычных отрывках причитаний, а также их переводах. Несомненно, причиной этому стало большое количество привлеченных к исследованию языков (карельский, ижорский), а также наречий и диалектов карельского языка (ливвиковское, севернокарельское наречия; сегозерский диалект и т. д.). Участие в работе языковых редакторов помогло бы автору избежать этих погрешностей.

Монография, несомненно, найдет своего читателя, а выявленный автором тезаурус «устойчивой предметной детализации словесно воплощаемого, вербализируемого в каждом акте исполнения плача фиктивного мира» станет основой для дальнейшего изучения.

В. П. Миронова